
ИГОРЬ ПИЛЯЕВ
ЗЕМЛЯ ИЗНАЧАЛЬНАЯ
Начало пути
Skleněný můstek
2015

Игорь Пиляев

ЗЕМЛЯ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Книга первая

Начало пути

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Земля после апокалипсиса и в преддверии нового, какая она? Умирающий, агонизирующий город, остатки человечества, сбросившие с себя шелуху цивилизации и обнажившие подлинные лица. Мир жестокости и насилия, где единственным законом является «право сильного».

Возможно ли выжить в этом аду и остаться человеком? Имеет ли человек право выбора, право на существование и любовь, если даже сам Творец забыл о своих детях? Имеет ли сама Планета право на жизнь?

На эти и многие другие вопросы придется найти ответы главному герою, волею случая заброшенному в свое ближайшее будущее.

© Игорь Пиляев 2015
© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-95-2

Содержание

Пролог

Глава 1
«Хаос»

Глава 2
«Existential event»

Глава 3
«Жить, чтобы выжить»

Глава 4
«Умирающий город»

Глава 5
«Рангарек»

Глава 6
«Долина псов»

Глава 7
«Вердикт»

Глава 8
«Рождение мага»

Глава 9
«Великие маги седой старины»

Глава 10
«Путь к Беловодью»

Глава 11
«Шамбала»

Эпилог

Каждый человек достаточно велик для того,
чтобы вместить в себя Бога.

Пролог

Вы когда-нибудь наблюдали за курицами в курятнике? Стас наблюдал. Причем был занят этим вдохновенным процессом уже который день...

Удивительно, но жизнь в курятнике напоминала Стасу модель общества в миниатюре. Та же борьба за выживание, за власть, за место под лампочкой. Каждая вторая курица непременно считала себя доминантной и пыталась указать место своей соплеменнице. С петухами было все понятно и без аналогий, тут борьба за самку и за право называться альфа-самцом. Чем выше сижу – тем дальше гляжу как в переносном, так и в прямом смысле. Потому как в прямом смысле эти самые петухи старались забраться как можно выше и взирать на всех свысока, видимо, искренне полагая, что такая позиция делает их существенно значимее и привлекательнее в глазах все тех же куриц, а может, и остальных петухов тоже.

И самая главная мысль не давала покоя Стасу: что ждет всех этих в принципе симпатичных и по-своему разумных существ завтра? А перспектива у них одна – бульон или курица-гриль. И все потуги, вся эта суета никому по сути не нужна, потому что исход один – деревянная чурка и топор хозяина. А разве у людей иначе?..

Короче, Станислав Николаевич Рогозин, отставной полковник службы безопасности, пребывал в меланхолическом настроении. И пребывал он в этом настроении на даче: приехал сюда из суматошной столицы три месяца назад, предварительно плюнув с высокой колокольни на государеву службу. В смысле написав рапорт и уволившись на пенсию по выслуге лет.

Не то чтобы кто-то его гнал с этой самой службы. В целом полковник Рогозин был на хорошем счету как у руководства, так и у

коллег по службе, потому как никогда не был подлецом, что, кстати, вовсе не редкость в таких структурах и на таких должностях. Просто в какой-то момент пришло осознание одной простой вещи: «Что я сделал за 45 лет жизни и в частности за 25 лет службы в структурах? Что сделал полезного? Что останется после меня? С кем или с чем я собственно боролся все эти 25 лет?». И, как это ни печально, на эти простые вопросы Стас для себя ответа не находил.

Будучи человеком по натуре работоспособным и достаточно энергичным, он первое время с головой окунулся в сельскую жизнь. Вырыл на собственном участке небольшое озерцо, причем вырыл в прямом смысле своими руками, хоть и страдал потом от боли в мышцах. Кабинетная работа как-то не особо способствовала физическому развитию, а посещать спортзал было некогда, да и не особо хотелось, если честно. Тем более что от природы Стас был худощав, достаточно подтянут и справедливо исповедовал принцип о том, что «здоровым спорт не нужен».

Закончив с озером, взялся за грядки, посадив какие-то овощи – то ли огурцы, то ли патиссоны. При посадке особо не вникал в агрономические нюансы, полагая, что земля-матушка должна сама разобраться с тем, что в нее воткнули. Результат оказался закономерным – ни на грядки, ни на то, что на них выросло, без слез смотреть было невозможно, особенно в сравнении с соседскими огородами.

Потерпев фиаско с овощеводством, перешел к следующей стадии – взялся строить курятник. Строить – это, конечно, громко сказано: скорее, попытался превратить в курятник древний сарайчик для тяпок, оставшийся от бывших хозяев дачи. Перешерстив сайты и чаты любителей куроводства и кое-как уяснив для себя принципы обустройства куриного коттеджа, Стас с воодушевлением взялся за дело, которое в течение недели и закончил. Нельзя сказать, что получилось идеально, но, скорее всего, для куриц сгодится. Главное, что квадратура соответствует установленным стандартам, где не надо – не дует, где надо – есть вентиляция. Жители курятника, похоже, придерживались того же мнения, поскольку воодушевленно осваивали многочисленные лесенки и жердочки, насесты и гнезда, коими в изобилии снабдил сооружение гордый строитель.

За созерцанием общественных процессов, происходящих в зам-

кнутом социуме, и застала Стаса супруга Валентина Ивановна Рогозина.

– Долго медитировать собираешься, архитектор куриных душ? Пойдем ужинать, завтра кто-то на рыбалку собирался, не забыл еще?

– Иду, милая, иду. А ты знаешь, почему каждая курица стремится забраться выше своих собратьев?

– Знаю – это называется «доминантная курица».

– Это ты у меня доминантная курица, а у птиц это инстинкт самосохранения: чем выше на дерево залез, тем безопаснее.

– От топора и дальнейшей кремации на решетке гриль их это все равно не спасет.

– Прозаично, хотя и справедливо. Радует одно: они об этом не подозревают, думают, у них вся жизнь впереди.

– Так оно и есть – короткая только.

– И, главное, предопределенная...

Надо сказать, Валентина Ивановна была женщиной совершенно неуемной энергии, которую выплескивала на всех и все, что бы ни находилось рядом. И, честно говоря, все потуги на пути становления Стаса как фермера происходили исключительно с подачи жены. Любое активное сопротивление новшествам, как, впрочем, и пассивное, преодолевалось просто. Стаса ставили перед фактом. Вот тебе 30 бройлеров, а на завтра заказала 20 несушек — будем выращивать и кушать экологически чистое мясо. Недельная конфронтация после таких решительных действий, как правило, приводила только к испорченным нервам и полной капитуляции господина полковника.

Тем не менее, Стас жену любил. Любил той любовью, которая к мужчинам приходит после 30 лет, когда до периода «седина в бороду – бес в ребро» еще далеко, а юношеский авантюризм остался позади. Супруги Рогозины были в браке уже более 10 лет. Как у Стаса, так и у Валентины это был второй брак. Назвать его для себя удачным или неудачным он затруднялся. Но то, что его семейную жизнь спокойной назвать было нельзя, для него было очевидным фактом. Но также было абсолютно ясно, что никого другого на месте Валентины он себе представить просто не в состоянии. Несмотря на свой бальзаковский возраст (они с женой были одногодки), Валя выглядела великолепно. Подтянутая спортивная фигура, ни капли жира,

рельефный пресс культуристки – результат многолетних регулярных занятий аэробикой и танцами.

Стас в очередной раз залюбовался точеной мальчишеской фигуркой жены, спокойно дефилирующей от курятника к дачному домику. «Надо же, 45 лет, а такой заднице позавидует любая 18-летняя соплячка, – не без гордости подумалось ему. – И ведь, что интересно, хоть в бикини ее одень, хоть в робу, все одинаково хорошо на ней сидит – королевна, одним словом».

Пришла мысль о рыбалке. Не то чтобы так уж хотелось ехать. Да и назвать себя заядлым рыбаком он не мог. Скорее, просто любитель посидеть и посмотреть на воду в утреннем тумане. На раннюю зорьку, когда сквозь клочья ползущей водной взвеси прорезаются первые лучи солнца и рыба вспоминает о том, что ей тоже неплохо было бы позавтракать.

Озеро Стас присмотрел еще неделю назад. Старый и достаточно глубокий овраг, заполненный родниками, вода в нем была невероятно холодной для середины августа. Вокруг росла шикарная дубрава, некоторым гигантам должно было бы быть никак не меньше 200-300 лет, хотя совершенно не понятно, как такие деревья вообще выросли и выжили в этой местности. В общем, место было на редкость живописное. Наживку и тормозок, а также все, что к нему причитается, он уже уложил в сумку-холодильник. Немного подумав и не найдя ни одного подходящего повода отменить подъем в три утра, несмотря на портящуюся погоду, на том успокоился и пошел ужинать.

Будильник, как это ни прискорбно, начал исправно верещать ровно в три часа утра. Проклиная все на свете, в том числе и предстоящую рыбалку, Стас кое-как спустился со второго этажа и, стараясь не ронять стулья и стаканы, попытался приготовить себе кофе. С некоторыми потерями кипятка, вылитого себе на ногу, и рассыпанного кофе это удалось. «Да, годы не те, – пришла мудрая мысль после первого глотка живительного напитка. После сорока надо выбирать что-то одно: или пить, или не спать. Триста грамм водки за ужином и три часа сна как-то явно не сочетались друг с другом, по крайней мере, по субъективным ощущениям Стаса.

Тем не менее, кофеин свое дело знал, и в голове прояснилось. Натянув на себя униформу, он поплелся к машине. Когда вышел на

улицу, настроение испортилось окончательно. Дождя не было, но вдалеке на востоке подозрительно сверкала молния, пока, правда, еще без грома. Признак был отнюдь не обнадеживающим и вряд ли сулил потрясающий клев. Байки о невероятном клеве в дождь Стас слышал не раз, но не без основания считал, что рыба, как и любая живая тварь, должна любить хорошую погоду. Тем более, дождь не любил сам Стас, и совсем уж сомнительным казалось удовольствие от рыбалки в дождь. Надеясь на вечное славянское «авось» да еще на то, что автомобиль будет под боком и в случае чего можно быстро ретироваться, он завел машину и выехал.

Добравшись без особых приключений до места назначения, Стас попытался максимально близко припарковаться к озеру, что ему, конечно же, не удалось – мешали деревья. Кряхтя, он выбрался из машины и расстроился окончательно – гроза явно не собиралась обходить место рыбалки стороной. И небо, еще 20 минут назад светившееся зарницей, теперь вовсю грохотало канонадой грома, сопровождаемого всполохами молний. Или наоборот. Все-таки это гром сопровождает молнию. Хотя какая разница, – желание разворачивать снасти и пробираться к озеру окончательно пропало. Решив выждать какое-то время, Стас с облегчением забрался в уютный и теплый салон автомобиля.

Но если уж неприятности начались, то сразу заканчиваться они явно не собирались. Вчерашний ужин, катализированный умеренной дозой водки, вероятнее всего, закончил свой сложный процесс метаболизма в желудке, и последний настойчиво требовал очищения. Выскочив из машины и отбежав несколько шагов в сторону, Стас присел у какого-то дерева. Через пару минут стало значительно легче. С облегчением пришло понимание того, что туалетной бумаги с собой тоже нет. Но, в конце концов, в лесу мы или нет? Обойдемся подручными средствами.

Гроза набирала обороты, и первые капли летнего дождя уже начинали срываться, не пробивая еще густую листву громадного дерева. Он только сейчас обратил на него внимание – это был древний дуб совершенно невероятного размера. Крона дерева скрывалась где-то вверху, сливаясь с еще темным предрассветным небом. Осматривая озеро днем, Стас такого гиганта не заметил. Возможно, это

просто предрассветные сумерки делали свое дело, меняя формы и создавая призрачные очертания.

Ему стало безумно интересно измерить ствол дерева в окружности. Рулетки с собой не имелось, поэтому решил по старинке – обхватом. На третьем обхвате небо вспыхнуло. Точнее, вспышек было две: первая в небе, вторая – в голове у Стаса. Потом стало темно и тихо.

Глава 1
«Хаос»

Никакого тоннеля и тем более света в конце оного не было. А что было? Стас позже не раз пытался вспомнить эти ощущения, и всегда это давалось ему с большим трудом. Было темно, потом была боль – невероятная боль в голове. Ощущение лоботомии[1] без наркоза – почему-то именно это сравнение приходило в голову. Черепную коробку словно разорвали на части, полушария мозга распылили в нейроны, затем как-то все это собрали и так же как-то запаковали обратно, не особо уделяя внимание на эстетику сборки.

Цифры, образы, ощущения, лица, глаза, руки – все это вращалось в хаотическом хороводе с невероятной скоростью. Вспышки света чередовались с непроглядной тьмой, которая, в свою очередь, сменялась серой мглой, пронизанной серебряной паутиной. Паутина создавала геометрические фигуры сначала классической эвклидовой геометрии, затем все сложнее и сложнее, меняя кривизну пространства до сочетаний, которые сознание отказывалось воспринимать. Затем опять формулы, цифры, лица, боль, вспышка – тьма…

Стас открыл глаза. Какая была первая мысль? Да не было мыслей вообще, ну ни одной мысли, была дикая, всепоглощающая головная боль. Потом, чуть позже, мысли начали появляться, и были они лишь об одном – как бы добраться до машины, где есть таблетки от головной боли. В глазах немного просветлело, хотя вокруг плыла серая мгла, наполненная пылью и запахом гари. Попытка встать оказалась неудачной, и пришлось довольствоваться позицией в парте-

1 Лоботомия - нейрохирургическая операция, при которой одна из долей мозга иссекается или разъединяется с другими областями мозга.

ре, проще говоря, на четвереньках. Тем не менее, появилась первая здравая мысль: «Я живой». Осознав это, многострадальный мозг тут же задался целой серией никому не нужных вопросов, что закономерно привело к перегрузке и зависанию.

Повторное возвращение оказалось существенно легче. Боль никуда не делась, но, по ощущениям, приобрела латентную[2] форму, угнездившись где-то в районе мозжечка и для верности стянув голову, как дубовую бочку, тяжелым металлическим обручем. Попытку резкого подъема Стас на этот раз решил не предпринимать. Начал с методичного исследования возможностей своего тела или отсутствия таковых. Пальцы на руках шевелились. На ногах – плохо, но тоже реагировали на импульсы изможденного мозга. Попытка согнуть правую руку в локте неожиданно привела к успеху. Это вдохновляло, и Стас рывком попробовал сесть. Землю качнуло и продолжало раскачивать с замедляющейся амплитудой. Сзади оказался ствол дерева, и Стас оперся об него спиной – качка уменьшилась и появилась хоть какая-то возможность осмотреться.

А смотреть было, собственно, не на что. В первый момент даже показалось, что бредовое состояние продолжается. Все вокруг было покрыто серой мглой – серой была трава, серым был туман. Ощутимо реальным казался только ствол злосчастного дуба, такой же необъятный и монументальный, каковым и запомнился Стасу.

Назвать себя верующим человеком Стасу было, конечно же, сложно. По своей натуре он скорее являлся агностиком[3], не отрицая существования божественного начала, но и никак не воспринимая церковных догм, причем любых концессий. Но, будучи крещеным, а скорее, просто на всякий случай перекрестился. Как и следовало ожидать, от данного действия реальность никак не изменилась.

По внутренним ощущениям, было раннее утро, но полагаться на ощущения в такой ситуации было крайне опрометчиво. Мысли о чистилище и прочих злачных местах, коими грозят грешникам отцы православной церкви, Стас отбросил сразу. Во-первых, все

2 Латентный – скрытый, неявный, невидимый.

3 Агностик (греч.) – слово, изобретенное м-ром Гексли (по его утверждению) для обозначения человека, который не верит ничему, что не может быть подтверждено органами чувств. Иногда агностицизм определяется как философское учение, утверждающее принципиальную непознаваемость мира.

было слишком реальным, во-вторых, воняло гарью, но что примечательно – отнюдь не серой. И главное, все тело ныло так ощутимо по-живому, что Станислав Николаевич окончательно отбросил все оккультные мысли и решил перейти к действиям.

И первое, что пришло ему в голову, – надо добраться до машины. Там есть обезболивающие таблетки и телефон. Машина, насколько помнилось, находилась максимум в десяти шагах, которые и были с большим трудом, но все-таки преодолены.

А вот тут стало страшно по-настоящему. Аллегория о холодном поте оказалась вовсе не такой уж и аллегорией. Машина исчезла, но это была половина беды, точнее, абсолютная мелочь по сравнению с тем, что предстало взору. Озеро тоже исчезло. Котлован от него был, но вот самого озера не было. Спасительная мысль о том, что он сошел с ума или это галлюцинации после удара в голову, не очень утешила Стаса. Место было явно тем же, где десять минут назад припарковал машину горе-рыбак. Место было то же самое, это понятно. Непонятно было другое: как за столь короткий промежуток времени произошли столь глобальные изменения.

Густая дубовая роща оказалась на месте, но была изрядно прорежена. Больше половины деревьев было повалено, и создавалось общее впечатление, что здесь прошли активные боевые действия с применением тяжелой артиллерии. Соседнее поле, еще вчера колосившееся высоченной яровой пшеницей, было вспахано, но не плугом трактора, а многочисленными воронками от снарядов. В воздухе висел серый туман, и это был вовсе не утренний туман. Это была взвесь из пыли, гари и еще каких-то мельчайших частиц, пытающихся забиться в глаза и вызвать слезы. Стас надеялся, что слезы вызывает именно пыль, а не чувство собственной беспомощности и обреченности.

Подумать было о чем. Разумные объяснения в голову никак не приходили. Проще всего, конечно, было принять мысль о помутнении сознания, однако внутреннее «Я» подсказывало, что все не так просто. Наконец пришло осознание того, что в пятнадцати километрах, на даче, находятся его жена и дочь. Это позволило зацепиться за реальность и выработать хоть какой-то план действий. А план был предельно простым – идти на дачу.

Определившись с ближайшими целями, Стас принялся воплощать их в жизнь. Мысль пойти через лес была отброшена как изначально глупая. С ориентированием в лесу и так явные проблемы, а в подобных условиях и подавно. Солнца нет, мха тоже не наблюдалось, где север, а где юг, разобраться было непросто даже в поле. Хорошо помня, что озеро находилось в паре километров от дороги, пусть и не автомагистрали, но достаточно загруженной автомобилями, Стас встал и отправился в путь вдоль остатков дубовой рощи.

Преодолев за полтора часа два километра по пересеченной местности, а пересечена она была весьма основательно, он наконец выбрался на автотрассу. Осмотрелся. С трудом представлялось, чем можно было создать такие воронки и, главное, в таком количестве. Зрелище было немногим радостнее развороченного поля. Асфальт сохранился лишь местами, но идти стало несколько проще.

Слегка придя в себя, Стас с удивлением обнаружил, что головная боль, вызывавшая тошноту при каждом шаге, отступила, да и тело чувствовало себя значительно лучше. Похвалив себя мысленно за выбор обуви – армейские ботинки натовского образца как нельзя более кстати подходили для подобного марш-броска, – он уже более уверенно направился в сторону областного центра.

«Cogito, ergo sum» (мыслю – следовательно, существую) – мудрая мысль великого французского скептика Рене Декарта неожиданно пришла в голову. И полковник Рогозин попытался осмыслить случившееся.

Вариантов виделось всего два: что-то случилось либо с миром и «мир сошел с ума», либо с ним самим. Но сумасшедшим мысль о том, что они таковыми являются, как правило, в голову не приходит. А Стасу приходила. И, вероятно, это объяснило бы все. Но даже сам факт того, что его бы это устроило, отвергал умопомешательство как таковое. То, что окружающая действительность изменилась, причем радикально и явно не в лучшую сторону, сомнений не вызывало. Вот только каким образом это произошло столь стремительно и где был он во время такого изменения – эти вопросы ставили в тупик. Предположить, что он провалялся без сознания хоть сколь значительное время, не удавалось. Хотя бы потому, что, побрившись вчера утром и ощупывая подбородок сейчас, ощущал именно суточную щетину.

Сама собой напрашивалась фантастическая идея о переносе во времени или в пространстве, например в параллельный мир. Полностью отбросить данную возможность Стас не мог, но мысль была настолько дикой, что поверить в данный вариант не позволял здравый смысл. Он в детстве увлекался фантастикой, почитывал такую литературу и в более зрелые годы. Но воспринимал ее скорее как литературный жанр, способный в доступной динамичной и увлекательной форме донести до читателя те же жизненные ситуации и образы героев, которые в классической литературе выглядели бы скучно и прозаично.

Не найдя логичных и разумных объяснений происходящему, попытался проанализировать ситуацию с точки зрения фантастического жанра. Предположим, путешествие во времени. Но кто-то доказывал, что машина времени в принципе невозможна. Помнилось что-то о парадоксе времени или петле времени – не очень внятно, конечно, помнилось. Но допустим. Прошлое или будущее? По субъективным ощущениям – будущее. Местность идентична, дорога та же. Ближайшее прошлое было известно, а более далекое выглядело бы иначе.

Итак, будущее. Насколько далекое будущее? Вероятнее всего, не слишком далекое. Изменения хоть и радикальные, но по временному циклу не принципиальные. Подобные разрушения вполне могли быть совершены в короткий промежуток времени. А наличие, скажем, той же дубовой рощи говорит о промежутке времени от нескольких дней до двух-трех лет. Один вариант готов – недалекое будущее. Земля после войны или глобальной катастрофы.

Параллельная реальность? Допуская мысленно перемещение во времени, вполне можно было допустить и перемещение между слоями реальностей, если таковые существовали вообще. По крайней мере, в голову не приходили никакие парадоксы, говорящие о том, что это невозможно в принципе, но это, скорее всего, от незнания темы. Что имеем в этом случае? В общем, ничего хорошего не имелось ни в первом, ни во втором случае. Взяв для себя за основу постулат «решать проблемы по мере их возникновения», Стас продолжил путь по дороге.

Судя по состоянию асфальта, точнее, тех мест на дороге, где ас-

фальт оставался, не ремонтировался он как минимум года два-три. В который раз поразила унылость окружающего пейзажа. Деревья имели листву, но она была либо грязно-серого цвета, либо висела на ветках сухими свернутыми перьями. Трава на обочине была, но того же грязно-стального цвета. Дышалось отвратительно, но Стас поймал себя на мысли, что особых неудобств этот факт ему не доставляет. То же касалось и температуры воздуха, которая, судя по всему, была немногим выше нуля градусов по Цельсию.

Поднялся небольшой ветер, но надежда на то, что он разгонит этот серо-стальной туман, не оправдалась, теперь он не висел стеной, а клубился и шевелился, напоминая живое существо. «Не хватало мне только сюжетов из Стивена Кинга[4]», – подумалось Стасу. И не зря подумалось, поскольку мысль тут же материализовалась в виде странного звука за спиной. Он остановился, прислушался – да это же звук работающего двигателя, пусть и плохо работающего, натужно, но явно это автомобиль. Сквозь рябь тумана показались два призрачных пятна света. Воспаленное воображение вполне могло бы принять их за глаза монстра в тумане, если бы не обнадеживающее фырканье старого мотора и скрип подвески переползающего через рытвины и ухабы старенького джипа.

Из серой мглы медленно выполз древний Land Rover. Каким образом ему удавалось перемещаться по этому подобию дороги, оставалось загадкой, но он двигался и, что самое неприятное, двигался мимо, никоим образом не реагируя на его отчаянную жестикуляцию. Уже почти исчезнув из вида во всепоглощающем тумане, вдруг остановился. То ли отреагировал на последний жест в виде оттопыренного безымянного пальца, то ли у водителя проснулась совесть. Хотелось верить в последнее. Стас бросился к машине.

Наверное, спешить все-таки не стоило. У раскрытых задних дверей с обеих сторон стояли два типа совершенно невероятного вида. Не вызывало сомнений, что это были представители гомо сапиенс, но какой-то совершенно немыслимой модификации. На головы намотаны грязные тюрбаны, закрывающие и нижнюю часть лица. Всклокоченные бороды, правда, просматривались и под этим эк-

4 Стивен Эдвин Кинг – американский писатель, работающий в разнообразных жанрах, включая ужасы, триллер, фантастику, фэнтези, мистику, драму; получил прозвище «Король ужасов».

зотическим для наших мест убором. Из одежды лохмотья, которые когда-то давно были кожаными куртками, и ватные штаны, то ли изрядно промасленные, то ли просто очень грязные.

Но самой главной деталью амуниции был «Моссберг Маверик» 12 калибра с коротким стволом и пистолетной рукояткой вместо приклада, который своим дульным отверстием уверенно смотрел ему в живот. Это у того, что справа, а левый экземпляр баюкал бейсбольную биту, отполированную до блеска. Возникло нездоровое подозрение, что отполирована она отнюдь не игрой в бейсбол.

– Здорово, мужики, – как можно доброжелательнее произнес Стас. – Подбросите до поворота на дачный массив?

– Снимай, – просипел тот, что справа.

– Не понял? – в принципе, все как раз было понятно – неприятности назревали с неумолимой силой.

– Шкары[5] снимай.

– И смокинг[6] туда же, – добавил владелец спортивного инвентаря.

Аргумент в виде «Моссберга» был достаточно убедительным. Проверять на себе, заряжен он или нет, желания не было, и Стас, присев, начал расшнуровать ботинки. Тем временем любитель бейсбола стал двигаться в его сторону.

– Шевелись, козлина!

– Бык, не лезь, пусть сначала снимет все, одежка-то стоящая, не попортить бы.

Бык, между тем, занял позицию чуть слева и сзади от присевшего Стаса, продолжая постукивать битой о левую руку. Краем глаза Станислав узрел третьего персонажа, сидевшего за рулем «Ровера» и наблюдавшего за событиями в зеркало заднего вида.

– Безнадега, – подумалось, и это было предпоследнее, о чем подумалось. Поскольку Бык практически без замаха, надо сказать, довольно-таки профессионально нанес короткий и резкий удар битой в основание черепа. А вот последней мыслью было – опять по голове.

И опять была вспышка. Вот только теперь она была красного, бордово-красного цвета, или это опять сыграло злую шутку воспаленное сознание. Но красный цвет присутствовал в окружающем

5 Шкары (сленг) – обувь, ботинки.

6 Смокинг (сленг) – в данном контексте верхняя одежда.

мире и был он очень ярок на фоне серой травы и такого же цвета асфальта. Красными были руки Стаса, на которые он удивленно смотрел. До боли в глазах красным было пятно, растекающееся из-под тела Быка. Какой-то совершенно ненормальной была и поза, в которой он находился. Грязное, в оспинах лицо смотрело пустыми глазницами в небо, но находилось лицо там, где положено находиться затылку.

Владелец «Моссберга» лежал на спине, нелепо раскинув руки, с пробитой грудной клеткой, из которой медленно вытекала красная кровь. Стас поднял глаза, слева от автомобиля валялась передняя водительская дверь, сорванная с петель, а из пустого проема свисала рука с вывернутой кистью. Тут же лежал черный пистолет. «ТТ», – автоматически определил отставной полковник.

Мироощущение вернулось, вернулись звуки. Собственно, звук был один – натужно, с перебоями работающего двигателя. Сделал шаг, споткнулся, запутавшись в шнурках ботинок. Нагнулся и основательно, не торопясь, зашнуровал. Теперь пришло осознание содеянного. В том, что эту мясорубку устроил именно он, сомнений не было, другое дело – каким образом. Познания в боевых искусствах заканчивались на втором юношеском разряде по самбо, приобретенном лет тридцать назад. На сегодня загадок было более чем достаточно, и решать очередной ребус не возникло никакого желания.

Решив осмотреться, подошел к двери «Ровера», точнее, к тому месту, где раньше была дверь. Водитель находился на своем месте, рука сломана в двух местах – кисть и предплечье. Судя по положению головы, шейные позвонки постигла та же участь. Переместился к несостоявшемуся бейсболисту, ногой перевернул – грудная клетка и верх живота разворочены, скорее всего, зарядом картечи (ну хоть это не моя работа, подумал с облегчением). Взгляд остановился на комке красного, еще слегка парящего мяса, лежащего чуть в стороне от зажатого в руке помповика[7]. К горлу подкатила тошнота, но как-то справился. Взглянул на свои руки, потом на грудь владельца ружья, а потом на то, что раньше было его сердцем.

7 Помповик – помповое оружие, огнестрельное оружие, в котором скользящая передняя рукоять (цевьё) двигает затворную группу, скользя при механическом воздействии на неё назад или вперёд, выбрасывая отстрелянную гильзу и досылая новый патрон.

И не вид сердца, живьем вырванного из груди человека, даже не абсурдность, невозможность, физическая невозможность совершить подобное вводила Стаса в ступор. Сам факт подобной жестокости по отношению к себе подобному повергал в шок. Пусть и в состоянии аффекта, пусть необходимая оборона, но не мог Стас, даже если бы умел, подобного совершить. Он просто был на такое не способен. А значит, изменилась не только реальность, он сам стал Другим.

Хотелось курить. Жутко хотелось курить. Год назад с огромным трудом удалось избавиться от пагубной привычки, но сейчас было плевать на затраченные усилия, испорченные как себе, так и домочадцам нервы. «Полцарства за коня»[8], – сказал великий король. Ни царства, ни его половины, как и коня, не было, но за сигарету он готов был отдать все. Вывернув карманы Быка наизнанку и ничего стоящего там не обнаружив, Стас подошел к автомобилю. Спокойно, сам удивляясь своему равнодушию, выбросил на улицу тело водителя. На торпеде лежала початая пачка «Мальборо». В карманах брюк обнаружилась зажигалка «Зиппо». С забытым удовольствием затянулся и присел на порог «Ровера», в голове поплыл легкий туман, который так же быстро испарился – тридцать лет практики, как-никак. Выкурил подряд две сигареты – и, как ни странно, наступило спокойствие. Имеем то, что имеем. И из этого надо делать выводы.

Первое. Это явно Земля и, пуще того, любимая родина, – вывод напрашивался сам собой из того богатого и многогранного языка русских осин, на котором вели свой недолгий диалог дорожные флибустьеры.

Второе. Если это Земля, то с ней не все в порядке, то есть не только как с планетой, но и как с социальной единицей. Судя по поведению аборигенов, нормы социальной морали у них отсутствовали как таковые, и почему-то Стасу начало казаться, что это скорее правило, чем исключение из оного. Следовательно, думать о законе и его представителях пока явно не стоит. Тем паче, что беглый осмотр содержимого наличия мобильной связи не выявил – и, как следствие, отпала и необходимость уведомлять органы правопорядка о случившемся. Прежде всего, по причине отсутствия возмож-

8 « Коня! Коня! Полцарства за коня!» – с английского: «A horse, a horse! My kingdom for a horse!» Из трагедии «Король Ричард III» Уильяма Шекспира, слова короля Ричарда в стихотворном переводе.

ности совершить законопослушное действие, а также и потому, что существовали сильные сомнения в существовании вообще этих органов и правопорядка в целом.

Третье. Стас стал обладателем захудалого джипа и кое-какого имущества, доставшегося ему пусть и не в очень честном, но все-таки бою.

Осознав эти непреложные факты и докурив третью сигарету, приступил к осмотру добычи, в глубине души удивляясь своему спокойствию и равнодушию. «A la guerre comme a la guerre»[9]. Не совсем война, конечно, но еще неизвестно, что лучше, а что хуже.

В багажнике джипа обнаружилось три канистры с бензином, одна с водой и два ящика консервов, несколько пачек с патронами 12-го калибра. В условиях перманентных[10] боевых действий почти джентльменский набор. Не без брезгливости осмотрев карманы дорожных пиратов, Стас стал обладателем двух вполне приличных охотничьих ножей и плоской фляги, наполовину заполненной чем-то на редкость вонючим.

В салоне автомобиля между передними и задними сиденьями находилось еще одно охотничье ружье, судя по надписи, «Бенелли» и тоже заряженное шестью патронами. Тут же лежала сумка, содержимое которой однозначно говорило о мародерском прошлом хозяев машины, и это в лучшем случае. Цепочки, сережки и прочая бижутерия вполне могла быть снята с живых людей, или с совсем недавно бывших живыми. Несколько пачек сигарет было в бардачке – это особенно обрадовало Стаса.

Подобрав с дороги «Моссберг» и пистолет (в обойме не хватало трех патронов), Стас вдруг ощутил голод. Нет, это было не то ощущение, когда очень хочется есть, это был Голод. Организм требовал пищи, требовал настолько настойчиво, что пять литровых банок мясной тушенки едва его приглушили. Если так пойдет и дальше, прокормиться будет непросто. Сделав несколько приличных глотков из фляги (это оказался отвратительный самогон) и запив все это водой из канистры, почувствовал себя почти удовлетворенным.

Забравшись за руль «Ровера» и положив на соседнее сиденье «Моссберг» и «ТТ», тронулся в путь. Трупы аборигенов оставил

9 «A la guerre, comme a la guerre» – фр. «На войне как на войне».

10 Перманентный – продолжающийся непрерывно; постоянный.

лежать на дороге. Езда по такой автостраде доставляла мало удовольствия, и средняя скорость ненамного превышала скорость пешехода, но все-таки дело двигалось. Стали попадаться автомобили, большей частью стоящие на обочине, встретилось несколько обгоревших остовов машин. Людей не было. Через дорогу перебежала стая собак, судя по внешнему виду, явно не домашних. Подумалось о том, что труппы испортиться не успеют, – спокойно как-то так подумалось.

Преодолев за три часа пятнадцать километров дороги, Стас приблизился к дачному массиву, откуда сегодня утром, всего лишь пять-шесть часов назад, отправился на рыбалку. Внутренне он был готов к самому худшему, но, на удивление, все выглядело не так уж и плохо – разрушений было много, но примерно семьдесят процентов домостроений сохранилось. Хуже было то, что жилыми они явно не выглядели. Многие жители дачного поселка использовали раньше свои домики как постоянное круглогодичное жилье, хотя поселок и не имел статуса населенного пункта.

Заныло под ложечкой – Стас увидел свою дачу такой же, какой он ее оставил несколько часов назад. Непроизвольно нога придавила педаль акселератора газа, машина исправно подпрыгнула, но печальный визг подвески прямо указывал на недопустимость подобных экспериментов.

Естественно, он не ожидал, что Валя выйдет на улицу его встречать. Шесть часов, проведенных в новом мире, кое-чему его уже научили. Но боялся Стас одного – неопровержимых доказательств безвозвратной потери. Благодарение Богу или тому, кто создал этот сумасшедший мир, никаких явных доказательств не было. Тщательно обследовав домик, изрядно пострадавший от рук мародеров, сделал несколько выводов.

Первое: дача была оставлена в спешном порядке, и это вселяло надежду на то, что жене с дочкой удалось своевременно покинуть зону бедствия, например, уехать в их загородный дом в окрестностях столицы. Не было, конечно, никакой уверенности, что они смогли туда добраться, да и что-то подсказывало Стасу – в столице, скорее всего, происходит нечто подобное здешней ситуации. Но все-таки надежда оставалась, и это хоть как-то согревало. Соответственно,